

Марк Твен «Человеку, ходящему во тьме»

Из нью-йоркской газеты "Трибюн", в рождественский сочельник:

"Народ в Соединенных Штатах встречает рождество, исполненный бодрости и надежд. Это свидетельствует о всеобщем довольстве и счастье. Брюзга-критикан, который нет-нет да и заведет свою шарманку, вряд ли найдет себе слушателей. Большинство людей только подивятся, откуда такой взялся, и пройдут мимо".

Из газеты "Сан", Нью-Йорк:

"Задачей этой статьи не является описание страшных преступлений против человечества, которые совершаются в политических целях в некоторых кварталах Ист-Сайда{262}, пользующихся наиболее дурной славой. Эти преступления нельзя описать никаким пером. Единственная задача, которую автор ставит перед собой, - это дать огромному числу более или менее беспечных жителей прекрасного города Нью-Йорка некоторое представление о том, как губят мужчин, женщин и детей в самой густонаселенной и самой незнакомой им части этого гиганта Нового Света. Если у кого-нибудь из читателей приведенный здесь материал вызовет недоверие или чувство незаслуженной обиды, то им могут быть предъявлены в подтверждение даты, фамилии и адреса. Здесь зафиксированы факты и наблюдения, без выдумки и без прикрас.

Представьте себе, если можете, часть городской территории, полностью находящуюся под властью одного лица, без разрешения которого нельзя вести никакое законное или незаконное дело; где незаконные дела всячески поощряются, а законные преследуются; где по вечерам почтенные граждане вынуждены закрывать наглухо окна и двери своих жилищ и задыхаться от жары в душных комнатах, боясь выйти на крылечко дома, хотя только там и можно глотнуть свежего воздуха; где голые женщины пляшут по ночам на улицах, а бесполое мужчины, как хищники, рыщут в темноте в поисках жертв своей профессии - профессии, которая не только не преследуется полицией, но, наоборот, пользуется ее покровительством; где малые дети уже знают, что такое проституция, и девочек с самого юного возраста обучают искусству Фрины; где американские девушки, взращенные в духе строгих правил американской семейной жизни и вывезенные из маленьких городков в штатах Нью-Йорк, Массачусетс, Коннектикут и Нью-Джерси, содержатся совсем как в тюрьме, пока не утратят всякого подобия женственности; где мальчуганов с малолетства обучают приводить "гостей" в публичные дома; где существует общество молодых мужчин, единственным занятием которых является совращение юных девушек и помещение их в дома терпимости; где человеку, идущему по улице со

своей женой, бросают в лицо оскорбления; где в больницах и диспансерах лечатся главным образом дети, зараженные недетскими болезнями; где убийства, изнасилование, грабеж и воровство - как правило, а не как исключение - остаются безнаказанными, - короче говоря, где политические воротилы извлекают прибыли из самых ужасных форм порока".

Та же газета "Сан" в канун рождества напечатала следующее сообщение из Китая (курсив мой. - Марк Твен):

"Его преподобие мистер Амент, представитель Американского Бюро заграничных христианских миссий, вернулся из поездки, которую он предпринял с целью собрать контрибуцию за ущерб, нанесенный боксерами {263}. Куда бы он ни приезжал, он всюду заставлял китайцев платить. Мистер Амент заявляет, что в настоящее время все подведомственные ему местные христиане обеспечены. Его паства составляла 700 человек, и из этого числа 300 убито. Мистер Амент взыскал по 300 таэлей за каждого погибшего и добился полного возмещения стоимости всего уничтоженного имущества христиан. Вдобавок он наложил штраф, в тринадцать раз превышающий сумму контрибуции. Эти деньги пойдут на распространение евангельского учения.

Мистер Амент заявляет, что он получил скромную компенсацию по сравнению с той, которая досталась католикам, взимающим, кроме денег, еще жизнь за жизнь. За каждого убитого католика требуют по 500 таэлей. В районе Вэньчжоу убито 680 католиков, и за это европейские католики, находящиеся здесь, требуют 750000 связок монет и 680 голов китайцев.

В беседе мистер Амент коснулся отношения миссионеров к китайцам. Он сказал: "Я решительно отрицаю, что миссионеры мстительны, что они, как правило, грабили "ли делали после осады что-нибудь такое, чего не требовали обстоятельства. Лично я осуждаю американцев. Мягкая рука американцев куда хуже, чем бронированный кулак немцев. Если проявлять мягкость по отношению к китайцам, они этим воспользуются..."

Здесь восприняли как забавную шутку сообщение, что французское правительство собирается вернуть добро, награбленное его солдатами. Французские солдаты занимались грабежом еще более систематически, нежели немцы. Факты говорят о том, что сегодня, вооруженные современной техникой, христиане католической веры под флагом Франции грабят селения в провинции Чжили".

По счастливой случайности все эти радостные вести дошли до нас в сочельник - как раз вовремя, чтобы нам отпраздновать рождество с подобающим весельем и душевным подъемом. Настроение у нас превосходное, мы даже находим уместным откалывать шутки вроде такой: куда ни кинь - все китайцу клин!

Преподобный Амент незаменим на своем посту. Мы требуем, чтобы наши

миссионеры в чужих краях воплощали не только благодать и милосердие, кротость и доброту, свойственные нашей религии, но также и подлинно американский дух. Первыми американцами были индейцы племени поуни. Вот что о них сообщает учебник истории Маколема {264}:

"Когда белый боксер убивает человека из племени поуни и уничтожает его имущество, другие поуни даже не пытаются отыскать убийцу, а приканчивают первого встречного белого; потом они заставляют какую-нибудь деревню, населенную белыми, возместить наследникам денежную стоимость убитого человека, а также всего уничтоженного имущества; и вдобавок обязывают жителей внести сумму, в тринадцать раз превышающую эту стоимость, в фонд распространения религии поуни, которая, по мнению этого племени, лучше всех других религии смягчает людские сердца и внедряет гуманность.

Поуни не сомневаются в том, что заставлять невинных отвечать за виновных справедливо и честно и что лучше пусть девяносто девять невинных пострадают, нежели один виновный уйдет от наказания".

Неудивительно, что наш преподобный Амент завидует предприимчивым католикам, которые не только загребают большие деньги за каждую отданную богу душу крещеного туземца, но сверх того получают еще "жизнь за жизнь". Впрочем, он может утешиться тем, что католики целиком прикарманивают эти деньги, тогда как он, будучи менее эгоистичным, оставляет себе только по триста таэлей за человека, а огромную сумму, в тринадцать раз превышающую эту компенсацию, отдает на дело распространения евангельского учения. Своей щедростью мистер Амент заслужил всенародное признание, памятник ему обеспечен. Пусть же он удовлетворится этими наградами. Мы ценим мистера Амента за то, как мужественно он защищал своих собратьев-миссионеров от разных необоснованных нападков, начинавших уже тревожить нас. Теперь, после его свидетельства, эти нападки в значительной степени потеряли остроту, и мы можем думать о них без особого смятения. Ведь нам теперь известно, что даже до осады миссионеры, "как правило", не промышляли грабежом и что "после осады" они вели себя вполне благопристойно, за исключением тех случаев, когда "обстоятельства" вынуждали их поступать иначе. Я беру на себя хлопоты о памятнике. Пожертвования можно направлять в Американское Бюро заграничных христианских миссий, а проекты - мне. Все проекты должны в аллегорической форме изображать возмещение потерь сам-тринадцать, а также цель, ради которой эти деньги были взысканы. Памятник должен быть украшен орнаментом из шестисот восьмидесяти голов, расположенных в приятном, ласкающем глаз сочетании: ведь католики преуспели как нельзя лучше, и их деяния тоже необходимо увековечить. Можно присылать девизы, если найдутся такие, которые правильно выражают существо дела.

Заставив нищих крестьян расплачиваться за других, да еще в тринадцатикратном размере, мистер Амент обрек их вместе с женами и

невинными младенцами на голод и медленную смерть. Но эти его подвиги на финансовом поприще, совершенные с целью получить кровавые деньги для распространения евангельского учения, не нарушают моего душевного равновесия, хотя такие слова в сочетании с такими делами представляют собой столь чудовищное, столь грандиозное кощунство, что равного ему не сыскать в истории. Если бы простой мирянин поступил так, как мистер Амент, оправдываясь теми же мотивами, я, конечно, содрогнулся бы от ужаса; или если бы я сам сотворил подобное под таким же предлогом... впрочем, это немыслимо, хотя некоторые плохо осведомленные люди и считают меня богохульником. Да, бывает, что священнослужитель ударяется в кощунство. И тогда простому мирянину за ним не угнаться!

Мы слышим страстные заверения мистера Амента, что миссионеры "не мстительны". Будем надеяться, что это так" и вознесем господа богу мольбу, чтоб они никогда не стали мстительными, а сохранили свою почти болезненную кротость, честность и любовь к справедливости - качества, доставляющие столько радости их собрату и заступнику.

А вот выдержка из статьи токийского корреспондента, тоже напечатанной в сочельник в нью-йоркской "Трибюн". Статья звучит несколько странно и дерзко, но ведь японцы пока лишь частично приобщились к Цивилизации! Когда они сделаются полностью цивилизованными, они перестанут говорить такие вещи:

"Вопрос о миссионерах, конечно, у всех на устах. Западным державам необходимо прислушаться к распространенному здесь мнению, что религиозные нашествия на страны Востока, совершаемые мощными западными организациями, равносильны разбойничьим набегам и не только не заслуживают поддержки, но должны самым строгим образом пресекаться. Здесь полагают, что организации миссионеров представляют собой постоянную угрозу для мирных международных отношений".

А теперь давайте решать. Будем ли мы по-прежнему осчастливливать нашей Цивилизацией народы, Ходящие во Тьме, или дадим этим несчастным передохнуть? Будем ли мы и в новом веке оглушать мир нашей привычной святошеской трескотней или отрезвимся и сперва поразмыслим? Не благоразумнее ли собрать все орудия нашей Цивилизации и выяснить, сколько осталось на руках товаров в виде Стеклянных бус и Богословия, Пулеметов и Молитвенников, Виски и Факелов Прогресса и Просвещения (патентованных, автоматических, годных при случае для поджога деревень), а затем подвести баланс и подсчитать прибыли и убытки, чтобы решить уже с толком, продолжать ли эту коммерцию или лучше распродать имущество и на выручку от продажи затеять новое дело под маркой Цивилизации?

До сих пор оделять Дарами Цивилизации Братьев, Ходящих во Тьме, было, в общем, выгодно, и даже теперь, если действовать осмотрительно, это

предприятие может приносить барыши, но все же, по-моему, недостаточные для оправдания серьезного риска. Людей, Ходящих во Тьме, становится все меньше, и уж очень они нас дичатся. Тьма же все редееет и редееет, - для наших целей ей не хватает густоты. Большинство Людей, Ходящих во Тьме, стало видеть теперь настолько яснее, чем прежде, что это уже не полезно для них и невыгодно для нас. Мы проявили недостаток благоразумия.

Трест "Дары Цивилизации" - предприятие первый сорт, если управлять им разумно и с толком. Он может принести куда больше денег, территории, власти и прочих благ, нежели любая из других азартных игр. Но за последние годы христианские государства ведут игру плохо, и, я думаю, это им даром не пройдет. Они с такой жадностью рвутся загрести все ставки на зеленом сукне, что Люди, Ходящие во Тьме, заметили это - заметили и встревожились. Они стали относиться подозрительно к Дарам Цивилизации. Более того - они начали присматриваться к ним. А это не годится: Дары Цивилизации - славный, отменный товар; только нельзя разглядывать его на ярком свете. При слабом освещении, да еще если смотреть издали, Дары Цивилизации могут показаться джентльменам, Ходящим во Тьме, весьма привлекательными. Перечислим их:

Любовь Законность и порядок
Справедливость Свобода
Кротость Честные взаимоотношения
Христианские чувства Равенство
Защита слабых Милосердие
Трезвость Просвещение и тому подобное.

Ну что, неплохо? Просто великолепно, сэр! Любой идиот из самой непроглядной Тьмы придет в восторг от такого товара! Но уж давайте не путать разные сорта. На этом я категорически настаиваю. Сорт, о котором шла речь выше, по-видимому, предназначается для экспорта. Но это одна видимость. Между нами говоря, этот товар вовсе не то, за что мы его выдаем. Между нами говоря, все вышеназванное - только обертка, яркая, красивая, заманчивая, и на ней изображены такие чудеса нашей Цивилизации, которые предназначаются для отечественного потребления. А вот под оберткой находится Подлинная Суть, и за нее покупатель, Ходящий во Тьме, платит слезами и кровью, землей и свободой. Именно эта Подлинная Суть и есть Цивилизация, предназначенная на экспорт. Отличаются ли эти сорта друг от друга? Да, в некоторых частностях разница есть.

Общеизвестно, что трест "Дары Цивилизации" трещит по всем швам. Причина ясна. Она заключается в том, что наш мистер Мак-Кинли, и мистер Чемберлен, и кайзер, и царь, и французы начали экспортировать Подлинную Суть без обертки, в открытом виде. А это-то и портит всю игру. Это показывает, что новые игроки еще недостаточно владели правилами.

Просто досадно видеть, как бездарно они делают один неправильный ход за другим! Мистер Чемберлен фабрикует войну из такого неубедительного, вздорного материала, что в ложах хватаются за голову, а на галерке смеются. При этом он изо всех сил старается убедить себя, что эта война {268} не просто грабеж, что она все же таит в себе крупицу порядочности, - правда, не видимую простым глазом, - и что, вываляв в грязи английский флаг, он сумеет в конце концов отмыть его дочиста и этот флаг вновь засияет в поднебесье, как сиял тысячелетие, пока он сам не наложил на него свою нечистую лапу. Неумелая игра. Бездарная игра, потому что она позволяет Людям, Ходящим во Тьме, обнаружить Подлинную Суть. И вот они говорят:

"Как, христиане напали на христиан? И всего-навсего из-за золота? Неужели это и есть великодушие, терпимость, любовь, кротость, милосердие, защита слабых - это странное, демонстративное нападение слона на выводок полевых мышей, под предлогом, что мыши пискнули что-то для него оскорбительное, а такое поведение, по словам мистера Чемберлена, "ни одно уважающее себя правительство не может оставить безнаказанным"? Почему подобный предлог считается достаточным в отношении малого государства, если он оказался недостаточным в отношении большого? Ведь совсем недавно Россия три раза подряд оскорбила слона и осталась жива и невредима. Значит, это и есть Цивилизация и Прогресс?! Чем же это лучше того, что имеется у нас? Разве грабежи, пожары и опустошения в Трансваале - Прогресс по сравнению с нашей Тьмой? Может быть, существуют два сорта Цивилизации - один для отечественного потребления, а другой для экспорта на языческий рынок?"

Тревога овладевает Людьюми, Ходящими во Тьме, и они недоуменно качают головами, а тут им еще попадается выдержка на письма английского солдата, описывающего свои подвиги в связи с одной из побед Мэтьюена, еще до битвы при Магерсфонтейне, и тревога их возрастает.

"Мы штурмом взяли высоту, - пишет солдат, - и спрыгнули в окопы. Буры поняли, что им не уйти. Они побросали ружья, упали на колени, подняли руки вверх и взмолились о пощаде. Уж тут-то мы им показали пощаду - длинной ложкой!"

Длинная ложка означает штык. Загляните в лондонский "Еженедельник Ллойда". В том же номере - и в том же столбце - вы найдете другую заметку, полную возмущения и горьких сетований по поводу жестокости и бесчеловечности буров. Сколько в этом неосознанной иронии!

А тут, как на грех, в игру ввязался кайзер, не овладев предварительно ее тонкостями. Он потерял во время мятежа в Шаньдуне двух германских миссионеров и представил за них завышенный счет. Китай должен был уплатить по сто тысяч долларов за каждого, отдать территорию протяжением в двенадцать миль, стоимостью в двадцать миллионов долларов, с населением в несколько

миллионов человек и, кроме того, воздвигнуть памятник и христианский храм, точно народ Китая не запомнил бы этих миссионеров и без таких дорогостоящих сооружений! Нечего и говорить, это была скверная игра, потому что она не обманула, не могла обмануть и никогда не обманет Человека, Ходящего во Тьме. Ему ясно, что с него содрали лишнее. Он знает, что цена миссионеру, как и всякому смертному, определяется тем, сколько придется истратить на его замену. Большого он не стоит. Миссионер - человек полезный, но полезны также и врач, и шериф, и редактор; однако справедливый император не требует за них уплаты по военным ценам. Разумный, трудолюбивый, безвестный миссионер, как и разумный, трудолюбивый редактор провинциальной газеты, безусловно стоит немало, но нельзя же за него требовать весь земной шар! Мы уважаем такого редактора, и нам жаль, когда мы его лишаемся, но все же территория в двенадцать миль и храм, и целое состояние - это слишком высокая компенсация за подобную потерю; представим себе, что редактор был бы китаец и платить за него пришлось бы нам! Разве можно запрашивать такие деньги за редактора или миссионера, когда даже подержанные короли продаются куда дешевле! Итак, кайзер провел свою партию далеко не блестяще. Правда, он своего добился, но его действия вызвали восстание в Китае, бунт возмущенных китайских патриотов - "боксеров", на которых так много клеветают. В конце концов все это дорого обошлось и Германии, и другим Носителям Прогресса и Даров Цивилизации.

Требования кайзера были удовлетворены, а все же игра была плохая, потому что она не могла не произвести дурного впечатления на жителей Китая, Ходящих во Тьме. Эти события, очевидно, заставили их призадуматься и сказать:

"Цивилизация милостива и прекрасна, - так мы слышали. Только по карману ли она нам? Есть у нас богатые китайцы, - может быть, им доступна такая роскошь; но ведь контрибуция наложена не на них, а на крестьян Шаньдуня; именно они должны выплатить эту огромную сумму при жалком заработке в четыре цента в день. Неужели такая Цивилизация лучше, чем наша, неужели она более священна, возвышенна и благородна? Неужели это не разбой, не вымогательство?! Разве с Америки потребовала бы Германия двести тысяч долларов за двух миссионеров, разве стала бы потрясать бронированным кулаком перед ее носом и послала бы к американским берегам корабли с военным десантом?.. "Захватите двенадцать миль американской территории стоимостью в двадцать миллионов долларов, как добавочную компенсацию за миссионеров, и заставьте крестьян построить памятник миссионерам и богатый храм для увековечения их памяти!" - неужели Германия дала бы такой приказ своим войскам?.. "Шагай по Америке, режь и коли, не щадя никого, пусть на тысячу лет вперед облик германца внушает Америке ужас, такой же, как внушали Европе страшные гунны! Шагай по Великой республике и убивай направо и налево! Огнем и мечом прокладывай через ее сердце и внутренности путь для нашей оскорбленной религии", - разве осмелилась бы Германия сказать

такое своим солдатам?.. Разве поступила бы так Германия по отношению к Америке, Англии, Франции, России?.. Или так можно обращаться только с Китаем, по примеру слона, напавшего на полевых мышей? Так стоит ли нам вкладывать средства в эту Цивилизацию, которая прозвала Наполеона разбойником за то, что он вывез из Венеции бронзовых коней, а сама ворует с наших стен старинные астрономические приборы и бесстыдно занимается грабежом? Это относится ко всем иностранным солдатам (кроме американских), которые штурмуют деревни, терроризируют жителей и ежедневно шлют домой ликующим газетным редакциям телеграфные сводки такого содержания: "Потери китайцев - 450 человек убитыми; с нашей стороны ранены один офицер и два солдата. Завтра выступаем в поход против соседней деревни, где, как сообщают, началась резня". Скажите, по карману ли нам Цивилизация?"

Затем включается в игру Россия - и тоже играет неумно. Раза два она оскорбляет Англию (Человек, Ходящий во Тьме, видит это и мотает на ус); при моральной поддержке Франции и Германии она отнимает у Японии ее добычу захваченный Японией в борьбе и плавающий в китайской крови Порт-Артур (Человек, Ходящий во Тьме, замечает это и тоже мотает на ус); далее она захватывает Маньчжурию, опустошает маньчжурские деревни, запруждает многоводную реку распухшими трупами бесчисленных убитых крестьян (и это Человек, Ходящий во Тьме, тоже мотает себе на ус). Возможно, он думает: "Вот еще одно цивилизованное государство со знаменем Христа в одной руке и с корзиной для награбленного и ножом мясника - в другой. Неужели нет для нас иного выхода, как только принять Цивилизацию и опуститься до ее уровня?"

Но тут на сцену выходит Америка, и наш Главный Игрок{272} играет нехорошо, точь-в-точь как мистер Чемберлен в Южной Африке. Это было ошибкой, причем такой, какой не ждали от Главного Игрока, столь хорошо игравшего на Кубе. Там он вел обычную, американскую игру и побеждал, потому что такая игра - беспроигрышная. По поводу Кубы наш Главный Игрок сказал: "Вот маленькая угнетенная нация, не имеющая друзей, но она полна решимости бороться за свою свободу. Мы готовы сделаться ее партнерами, мы обратим на ее поддержку мощь семидесяти миллионов сочувствующих американцев и ресурсы Соединенных Штатов. Играйте!" В этих условиях только все европейские страны, объединившись, могли бы помешать нам, но Европа не в состоянии объединиться ни по какому поводу. В вопросе Кубы президент Мак-Кинли следовал нашим великим традициям, и мы гордились своим Главным Игроком, и гордились тем недовольством, которое его игра вызывала в континентальной Европе. Движимый возвышенными чувствами, он произнес волнующие слова о том, что насильственная аннексия была бы "актом преступной агрессии"; и эти слова его тоже прозвучали как "выстрел на весь свет"{272}. Это благородное изречение переживет все другие его речи и поступки, если не считать того, что через год он начисто забыл свои слова и содержащуюся в них высокую истину.

Ибо возник соблазн Филиппин. Это был сильный, слишком сильный соблазн. И наш Игрок допустил грубую ошибку - повел игру по-европейски, по-чемберленовски. Жаль, весьма жаль, что он сделал такую серьезную, непоправимую ошибку. Именно там и тогда надо было вновь играть по-американски. И это бы ничего не стоило, зато принесло бы нам крупный и верный выигрыш, подлинное богатство, которое сохранилось бы навеки, передаваясь от поколения к поколению. Нет, не деньги, не территорию, не власть, а нечто куда более ценное, чем весь этот тлен: у нас было бы сознание того, что нация угнетенных, несчастных рабов стала свободной благодаря нам; наши потомки сохранили бы светлую память о благородных деяниях предков. Ход игры зависел от нас. Если бы мы вели ее по американским правилам, Дьюи {272} убрался бы из Манилы, как только он уничтожил испанский флот. От него требовалось лишь одно: вывесить на берегу объявление, гарантирующее, что филиппинцы не нанесут ущерба имуществу и жизни иностранных граждан, и предупреждающее иностранные державы, что вмешательство в дела освобожденных патриотов будет рассматриваться как недружелюбный акт по отношению к Соединенным Штатам. Европейские державы не способны объединиться даже для дурного дела - никто не сорвал бы этого объявления.

Дьюи мог бы спокойно заняться своими делами где-нибудь в другом месте, зная, что филиппинской армии под силу взять измором маленький испанский гарнизон и выслать его потом за пределы своей страны. Филиппинцы установили бы у себя государственное управление по своему вкусу, что же касается католических монахов и их богатств, приобретенных сомнительными путями, то филиппинцы действовали бы в отношении их так, как им диктовали бы собственные понятия о справедливости и чести. Кстати, эти понятия на поверку оказались ничуть не хуже тех, что существуют в Европе и Америке.

Но мы играли по-чемберленовски и лишились возможности вписать в свои анналы еще одну Кубу, еще один благородный поступок. И чем больше думаешь об этой ошибке, тем яснее становится, что она может испортить нам всю коммерцию. Ибо Человек, Ходящий во Тьме, почти наверняка скажет:

"Странное это дело, странное и непонятное! По-видимому, существуют две Америки: одна помогает пленнику освободиться, а другая отнимает у бывшего пленника завоеванную свободу, затевает с ним спор без всякого повода и затем убивает его, чтобы завладеть принадлежащей ему землей".

В сущности, Человек, Ходящий во Тьме, уже говорит это, и ради пользы коммерции необходимо преподать ему другие, более здравые взгляды на филиппинские события. Мы должны заставить его мыслить по нашей указке. Я считаю, что это вполне возможно, - ведь преподал же Англии мистер Чемберлен готовые мысли по вопросу о Южной Африке, причем проделал он это ловко и успешно. Он преподнес англичанам факты - точнее, часть фактов - и разъяснил доверчивым людям их значение. И он оперировал цифрами - это очень хорошо.

Он пользовался формулой: "Дважды два четырнадцать; из десяти вычесть два будет тридцать пять". Цифры действуют неотразимо, с их помощью всегда можно убедить образованную публику.

Мой план еще смелее чемберленовского, хоть я не отрицаю, что я его копировал. Будем откровеннее, чем мистер Чемберлен, выложим все факты, не утаив ни одного, а затем разьясим их по методу Чемберлена. Наша поразительная откровенность ошеломит Человека, Ходящего во Тьме, и он примет наше разьяснение, прежде чем успеет опомниться. Скажем ему так:

"Все очень просто. Первого мая Дьюи уничтожил испанский флот. В результате Филиппинские острова остались в руках подлинного, законного владельца - филиппинского народа. Армия филиппинцев насчитывала тридцать тысяч человек, и ей было вполне под силу уничтожить или взять измором небольшой испанский гарнизон; это позволило бы жителям Филиппин создать у себя правительство по собственному вкусу. Соблюдая нашу традицию, Дьюи должен был вывесить на берегу свое предупреждение державам и затем отбыть восвояси. Но наш Главный Игрок принял другой план, европейский план: высадить там армию, якобы с целью помочь филиппинским патриотам нанести последний удар в их долгой и мужественной борьбе за независимость, а на самом деле - чтобы захватить их землю. Все это, разумеется, во имя Прогресса и Цивилизации. Операция развивалась планомерно и в общем успешно. Мы заключили военный союз с доверчивыми филиппинцами, и они осадили Манилу с суши, благодаря чему столица, где находился испанский гарнизон численностью в восемь-десять тысяч солдат, пала. Без филиппинцев мы тогда не добились бы этого. А оказать нам эту помощь мы их заставили хитростью. Мы знали, что филиппинцы уже два года ведут войну за свою независимость. Нам было известно, что они верят, будто мы сочувствуем их благородной цели, - подобно тому, как мы помогали кубинцам бороться за независимость Кубы, - и мы предоставили им заблуждаться. Но лишь до тех пор, пока Манила не стала нашей и мы не перестали нуждаться в помощи филиппинцев. Тогда-то мы и раскрыли свои карты. Они, конечно, удивились - удивились и разочаровались, разочаровались и глубоко опечалились. Они нашли, что мы поступили не по-американски, не как обычно, наперекор вековым традициям. Смущение их легко понять, - ведь мы только притворялись, что играем на американский манер, по существу же это была европейская игра. Мы провели их так ловко, что они растерялись. Им все это было непонятно. Разве не вели мы себя по отношению к этим простодушным патриотам как подлинные друзья, исполненные глубокого сочувствия? Мы сами привезли из изгнания их вождя и героя, их надежду, их Вашингтона - Агинальдо {275}. Мы доставили его на родину на военном корабле, с высокими почестями, под священной защитой нашего флага; мы возвратили его народу, за что нас горячо, взволнованно благодарили. Да, мы вели себя как лучшие друзья филиппинцев, мы всячески их подбадривали, мы снабжали их в долг оружием и боеприпасами, совещались с ними, обменивались любезностями, поручали наших больных и раненых их заботливому уходу, доверяли им

испанских пленных, зная, что филиппинцы честны и гуманны; боролись с ними плечом к плечу против "общего врага" (наше излюбленное словцо!); мы хвалили филиппинцев за отвагу и мужество, превозносили их милосердие и прекрасное, благородное поведение; мы воспользовались их окопами, заняли укрепленные позиции, отвоеванные ими у испанцев; мы ласкали их, лгали им, официально заявляя, что наша армия и флот пришли освободить их и сбросить ненавистное испанское иго, - словом, одурачивали их, воспользовались ими, когда нам было нужно, а затем посмеялись над выжатым лимоном и вышвырнули его вон. Мы закрепились на позициях, отнятых обманным путем, и, продвигаясь постепенно вперед, вступили на территорию, где были расположены отряды филиппинских патриотов. Остроумно придумано, не правда ли? Ведь нам нужны были беспорядки, а такие действия не могли не вызвать их. Один филиппинский солдат проходил по территории, которую никто не имел права назвать запретной зоной, и американский часовой застрелил его. Возмущенные патриоты схватились за оружие, не ожидая одобрения Агинальдо, который в это время отсутствовал. Агинальдо их не одобрил, но это не помогло. Нашей целью было - во имя Прогресса и Цивилизации - стать хозяевами Филиппинских островов, очищенных от борющихся за свою независимость патриотов, а для этого нужна была война. И мы воспользовались удобным случаем. Типичный чемберленовский прием, - во всяком случае, цели и намерения были такие же, и провели мы игру не менее ловко".

В этом месте нашей откровенной беседы с Человеком, Ходящим во Тьме, мы должны немного подсластить пилюлю ссылкой на Дары Цивилизации - для разнообразия и чтобы подбодрить его. Затем пойдем дальше:

"Когда мы сообща с филиппинскими патриотами заняли Манилу, Испания потеряла и право собственности на архипелаг и суверенную власть над ним. От всего этого ровным счетом ничего не осталось, ни единой ниточки, ни мельчайшей крупички. И тут-то нас осенила божественно-забавная мысль: откупить у Испании оба эти призрака{276}. (Ничего, давайте расскажем и это Человеку, Ходящему во Тьме; все равно он нам не поверит, как и всякий психически здоровый человек!) При покупке этих призраков за двадцать миллионов долларов мы дали обязательство опекать тамошних католических монахов со всем их добром. Кажется, мы также подрядились разводить там оспу и проказу; впрочем, наверняка не скажу. Да это и не существенно: для людей, на которых обрушилось такое бедствие, как католические монахи, другие эпидемии уже не страшны.

После того как наш договор с Испанией был ратифицирован, Манила усмирена и "призраки" куплены, Агинальдо и все прочие законные владельцы Филиппинских островов стали нам больше не нужны. Тогда мы развязали военные действия и с тех пор охотимся за своим недавним гостем и союзником по всем лесам и болотам его страны.

В этом месте нашего рассказа уместно будет слегка похвастать нашей военной деятельностью, нашими подвигами на поле брани, дабы успехи англичан в Южной Африке не затмевали успехов Соединенных Штатов. Впрочем, особенно напирать на это не следует, рекомендую держаться осторожно. Разумеется, чтобы быть откровенными до конца, мы обязаны прочитать Человеку, Ходящему во Тьме, телеграммы с театра военных действий, но не мешает сдобрить их некоторой долей юмора. Это поможет смягчить их мрачную выразительность и не совсем приличное проявление кровожадного торжества. Прежде чем прочесть Человеку заголовки из газет от 18 ноября 1990 года, попрактикуемся без свидетелей, - нужно научиться придавать своему голосу веселенькие, игривые интонации:

"ПРАВИТЕЛЬСТВУ США НАДОЕЛИ
ЗАТЯНУВШИЕСЯ ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ".
"ФИЛИППИНСКИЕ МЯТЕЖНИКИ*
ДОЖДУТСЯ НАСТОЯЩЕЙ ВОИНЫ!".
"БУДЕМ БЕСПОЩАДНЫ!"
"АМЕРИКА ПРИНИМАЕТ ПЛАН КИТЧЕНЕРА". {277}

* Мятежники! Это странное слово надо как-нибудь промямлить, чтобы Человек, Ходящий во Тьме, не разобрал его! (Прим. автора.)

Китченер умеет приструнить несговорчивых людей, которые защищают свой домашний очаг и свою свободу! Мы, американцы, должны сделать вид, что мы только подражаем ему, а сами, как государство, в этом деле ничуть не заинтересованы и стремимся лишь понравиться Великой Семье Наций, в которую ввел нас Главный Игрок, купив нам местечко в заднем ряду.

Конечно, мы не смеем также обойти молчанием сводки генерала Макартура {277}. Кстати, почему только не перестанут печатать такие неудобные для нас сообщения?! Придется читать их бойкой скороговоркой, а там была не была:

"За истекшие десять месяцев наши потери составили 268 человек убитыми и 750 ранеными; филиппинцы потеряли 3227 человек убитыми и 694 ранеными".

Мы должны быть наготове, чтобы не дать Человеку упасть, ибо от этого признания ему может стать дурно, и он простонет: "Господи! Эти "черномазы" сохраняют жизнь раненым американцам, а американцы добивают раненых филиппинцев!"

Мы должны привести в чувство Человека, Ходящего во Тьме, а затем всеми правдами и неправдами убедить его, что в нашем мире все к лучшему и не нам судить о путях провидения. Чтобы доказать ему, что мы не инициаторы, а только скромные подражатели, прочтем ему нижеследующую выдержку из письма

одного американского солдата с Филиппин к своей матери, опубликованного в газете "Паблик опиньон" в городе Декора, штат Айова. В нем описывается конец одного победоносного сражения: "В живых мы не оставили ни одного. Раненых приканчивали на месте штыками".

Изложив Человеку, Ходящему во Тьме, исторические факты, приведем его снова в чувство и разъясним ему все как надо. Скажем ему следующее: "Факты, которые мы изложили, могут показаться вам сомнительными, но это не так. Да, мы лгали, но из высоких побуждений. Да, мы поступали вероломно, но лишь для того, чтобы из кажущегося зла родилось подлинное добро. Да, мы разгромили обманутый доверчивый народ; да, мы предали слабых, беззащитных людей, которые искали в нас опору; мы стерли с лица земли республику, основанную на принципах справедливости, разума и порядка; мы вонзили нож в спину союзнику и дали пощечину своему гостю; мы купили у врага призрак, который ему не принадлежал; мы силой отняли землю и свободу у верившего нам друга; мы заставили наших чистых юношей взять в руки опозоренное оружие и пойти на разбой под флагом, которого в былые времена разбойники боялись; мы запятнали честь Америки, и теперь весь мир смотрит на нас с презрением, - но все это было к лучшему. Для нас это совершенно ясно. Ведь руководители всех государств в христианском мире, равно как и девяносто процентов членов всех законодательных учреждений в христианских государствах, включая конгресс США и законодательные собрания всех пятидесяти наших штатов, являются не только верующими христианами, но также и акционерами треста "Дары Цивилизации". А такое всемирное объединение прописной морали, высокой принципиальности и справедливости не способно ни на что дурное, нечестное, грязное. Там знают, что делают. Успокойтесь, все в полном порядке!"

Уж это обязательно убедит Человека, Ходящего во Тьме. Вот увидите. Дела снова пойдут в гору. А наш Главный Игрок водрузится на вакантное место третьей ипостаси в троице американских национальных богов. Веками будут они восседать у всех на виду на высоких престолах, каждый с эмблемой своих деяний: Вашингтон с мечом освободителя, Линкольн с разорванными оковами рабства, и наш Главный Игрок - с оковами, вновь приведенными в исправность. Увидите, как это оживит торговлю!

Условия нам благоприятствуют, все складывается так, как мы хотели. Мы захватили Филиппинские острова и уже не выпустим их из рук. У нас имеются также все основания надеяться, что в недалеком будущем мы сможем избавиться от обязательств, взятых по договору с Кубой, а Кубе дать что-нибудь другое, получше. Куба - богатая страна, и многие американцы уже смекнули, что заключить с ней договор было сентиментальной ошибкой. Но сейчас - именно сейчас - самое время заняться восстановлением нашей репутации, - это поднимет наш престиж, придаст нам спокойствия, устраним кривотолки. От самих себя мы не скроем, что в глубине души нас тревожит честь американской армии. Мундир солдата - один из предметов нашей гордости, он связан с делами благородными и

высокими, мы его уважаем и любим, - и нам совсем не по душе та миссия, которую он в настоящее время выполняет. А наш флаг! Мы считали его святыней; и когда случалось увидеть его в далеких краях, реющим под чужим небом и посылающим нам свой привет и благословение, у нас захватывало дух и срывался от волнения голос; мы стояли, обнажив голову, и думали о том, какое значение имеет он для нас и какие великие идеалы представляет. Да, нам необходимо что-то предпринять, и это не так сложно. Заведем специальный флаг, - ведь имеются же у наших штатов собственные флаги! Пусть даже останется старый флаг, только белые полосы на нем закрасим черным, а вместо звезд изобразим череп и кости.

И не нужна нам эта Гражданская комиссия{279} на Филиппинах. Не облеченная никакими полномочиями, она должна их выдумывать, а такая работа не всякому по плечу - тут требуется специалист. Для этой цели можно уступить мистера Крокера{279}. Мы хотим, чтобы там была представлена только Игра, а не Соединенные Штаты.

Благодаря всем этим мероприятиям на Филиппинах пышно расцветут Цивилизация и Прогресс; так мы одурачим Людей, Ходящих во Тьме, и у нас опять пойдет бойкая торговля на старом месте.

ПРИМЕЧАНИЯ

(To the Person Sitting in Darkness), 1901.

Стр. 262. Ист-Сайд - район Нью-Йорка, в то время населенный преимущественно беднотой.

Стр. 263. "Боксеры" - участники восстания 1901 года в Китае. Это восстание, порожденное ненавистью китайского народа к иностранным державам, поделившим Китай на "сферы влияния" и покушавшимся на его суверенитет, было жестоко подавлено объединенными военными силами Англии, Японии, Франции, Германии и царской России.

Стр. 264. ...учебник истории Маколема - вымысел Твена (см. его памфлет "Моим критикам-миссионерам").

Стр. 268. ...эта война... - англо-бурская война 1899-1902 годов, развязанная английским империализмом против южно-африканских республик с их богатейшими золотыми и алмазными россыпями.

Стр. 272. ...наш Главный Игрок... - президент США Мак-Кинли.

..."выстрел на весь свет"... - слова из стихотворения американского поэта Эмерсона "Конкордский гимн", в котором он воспел первых борцов за американскую независимость.

Дьюи - американский адмирал Джон Дьюи (1837-1917) во время испано-американской войны командовал военно-морскими силами США и в мае 1898 года потопил испанский флот в Манильской бухте на Филиппинах.

Стр. 275. Агинальдо Эмилио - руководитель филиппинского восстания против испанского господства, с 1899 года - президент Филиппинской республики; в 1901 году был обманом захвачен в плен американцами и вынужден капитулировать (о нем см. памфлет "В защиту генерала Фанстона").

Стр. 276. ...откупить у Испании оба эти призрака. - По Парижскому мирному договору (декабрь 1898 г.) Филиппины были "уступлены" Испанией США.

Стр. 277. Китченер Горацио (1850-1916) - английский маршал. В 1898 году, командуя англо-египетской армией, жестоко подавил народное движение в Судане; во время англо-бурской войны командовал английской армией в Южной Африке.

Макартур Артур (1845-1912) - один из генералов американской армии на Филиппинах. После захвата американцами Филиппин был там военным губернатором.

Стр. 279. Гражданская комиссия - американская комиссия, состоявшая из бизнесменов и профессоров, была послана на Филиппины после их присоединения к США для установления контакта с филиппинской буржуазией.

Крокер Ричард - один из заправил нью-йоркской организации демократической партии, которого Твен в том же 1901 году публично обвинил в коррупции.